

Россию спасет моя дочка

Первый русский мушкетер—о Ельцине, Собчаке и собственной популярности

...Похоже, он давно уже не знает, что такое «звездная болезнь». Переболел. Отвечает на ходу, остроумно. В своей роскошной квартире среди кожи и зеркал, быстрый и уверенный в себе, он, кажется, и в самом деле чувствовал себя королем. Он и живет-то в одном доме с питерским мэром.

— Ну и как вам ваш сосед?

— Как соседом я им вполне доволен. Ничего плохого сказать не могу. Впрочем, мы друг друга почти не видим: оба уезжаем рано утром, возвращаемся поздно вечером. В гости друг к другу не ходим.

— Кстати, за кого вы голосовали на референдуме?

— Да, да, нет, да — вот мои ответы.

— Значит, вы за Ельцина?

— Было бы смешно, если бы я верил конкретно Ельцину: ведь я его очень плохо знаю. Мы с ним не друзья и не знакомые. Я верю тем авторитетным людям, которые за него голосовали — творческой интеллигенции, художникам, артистам. А сам я плохо разбираюсь в политике. Но в конечном итоге я — за курс реформ. Вот сегодня проезжал мимо гостиницы «Палас». Если бы все продолжалось по-старому, она бы так и оставалась «Балтийской», и в конце концов развалилась бы.

— Видите ли вы человека, который спасет Россию?

— Да, это моя дочка. Сейчас ей 7 лет. Это совершенно нормальный ребенок, который любит мечтать, фантазировать — без всяких комплексов, без гениальности. Просто очень хорошая девочка. Вот такие девочки в будущем и спасут и мир, и Россию.

— А у вас еще есть сын...

— Да, он уже взрослый — ему будет 14 лет. Он уже отделяется — у него свои мысли, свои взгляды на жизнь. Ну что ж, я доволен: он со-

временен, он на «ты» с компьютером...

— Я знаю, что у вас есть и другие «дети» — вы и ваш театр помогаете очень многим молодым талантам.

— Да нельзя сказать, что бы я вот все бросил — и помогал. В разумных пределах — да. Если я вижу, что могу помочь, я с удовольствием это делаю. Но у меня самого такое огромное количество дырок, которые нужно заштопать, проблем, которые нужно решить, что очень мало времени остается на благие дела.

— Скажите, а кто вам помогает — в том числе делать новый театр «Бенефис»?

— Да все помогают, кто с ним работает. Мы составляем с человеком договор — будь то Валера Леонтьев, Никита Михалков, Гриша Горячев или балетная труппа — это не важно. Важно то, что какой-то маленький процент от прибыли идет на строительство нашего театра. И город помогает, конечно. Ведь театр расположен в самом центре Питера. И даже если мы уйдем, театр останется.

— Но вы, как все, бегаєте в поисках спонсоров?

— Нет, мы государственный театр. Хотя поначалу у нас были идеи — найти спонсора, лучше западного. Но мы решили подождать, несмотря на множество предложений. Потому что есть опасность, что наших меценатов интересует не сам театр, а возможность отхватить кусок земли на Дворцовой площади. И мы решили не поддаваться этому: своими силами добьем. Сейчас там уже идет капитальный ремонт. Появляются интересные дизайнеры, которые делают серьезную и очень богатую обстановку в будущем театре.

— Я знаю, что вы не оставляете без внимания семью Виктора Резникова...

А это знаменитый папа с известным сыном.

— Мы дружили семьями. И сейчас продолжаем дружить. Но у Вити очень много друзей, я не могу сказать, что я единственный такой «хороший». 9 мая у него был день рождения. Ему исполнился бы 41 год. Но я в этот день, к сожалению, не смог быть в городе — ни в его семье, ни на кладбище. Но всегда участвую во всех концертах, организованных Фондом Виктора Резникова.

— Кого вы можете назвать своими друзьями?

— У меня очень много любимых людей, которых нет рядом, — это и Валя Смирнитский, и Алиса Бруновна Фрейндлих, и Сергей Мигицко. И еще очень многие. Но самый закадычный, с которым за одной партией сидели вместе, — такой Жорка Широков. Мы друзья, которые уже не понимаем, что они друзья. Просто мы столько лет вместе, что трудно себе предста-

вить жизнь друг без друга.

— А враги у вас есть?

— Вообще я не конфликтный человек. Конечно, бываю какие-то неприятные стычки с незнакомыми людьми. Но это меня мало волнует — растались и забыли. А так, чтобы иметь по жизни постоянного врага... Пожалуй, мой главный враг и главный друг — это моя жена. У нас с нею всю жизнь очень эмоциональные отношения, потому что на разные проблемы мы очень по-разному реагируем. Это нас, в общем-то, и сближает.

— Сейчас большинству из нас живется непросто. А вы испытываете трудности?

— Материальных трудностей у меня нет. Зато у меня очень много проблем бытовых, потому что я в семье — один мужик. А мне одному — ну никак не справиться! И дача разваливается, и машина не работает, и памятник маме поставить на кладбище надо, и надо детей на лето устроить, и летать на концерты. Гитару вот свистнули — надо достать новую... В общем, тысячи дурацких проблем. Достаточно простоять в очереди за бензином, чтобы весь день пропал!

— А вас не коробят выступления на презентациях?

— Презентации — удобная штука. Их устраивают, как правило, люди состоятельные. Работы там немного, а заработок приличный, потому что не требуется целый вечер выступать одному. Отлично работает сборная Питера — в основном одна и та же: Ургант, Максимков, Пьеха, Сенчина, Альтов, Боярский, Захаров. В общем, мы, как праздничный шоколадный набор. Конечно, нечто унизительное во всем этом есть. Я вообще с возрастом начинаю думать, что профессия актера не совсем мужская. Приходится наступать на свою гордость... Но,

с другой стороны, я видел, как пел в ресторане Джон Леннон. И не стеснялся этого. Правда, он в отместку жуящим зрителям и сам резинку жевал. Многие артисты выступают в кабаре, в престижных ресторанах. Но я бы не согласился выступать в какой-нибудь избе-едалне. До сих пор не могу согласиться с тем, что в рекламе повсеместно используются лучшие актеры. Когда творческие люди страны рекламируют стиральные порошки, презервативы или еще не знаю что, то, на мой взгляд, им, простите, либо совсем уж жрать нечего, либо они всерьез полагают, что это солидная работа. А если я увижу артиста, пятнадцать раз рекламирующего продукт N, а в следующий раз увижу его в хорошем фильме, то я скажу: «А, это тот, что колготки рекламировал!» Мне кажется, это несправедливо — Гамлет и колготки. Впрочем, на Западе другие критерии. Настасья Кински спокойно моется перед нами мылом «Люкс». Смешно: когда я еще не был артистом, я рекламировал слоистопрофильный пластик! Я был так — полустудент, полуартист. Мне заплатили, помоему, 20 рублей, и я был на седьмом небе от счастья. А сейчас, когда я вижу самых популярных артистов в рекламе, мне становится немножко страшно.

— А как вы относитесь к колебаниям популярности?

— Я не верю всем этим составителям рейтингов и хит-парадов: ни разу не видел ни в одном из них ни Смоктуновского, ни Табакова, ни Высоцкого, ни Ростроповича. Хотя все, кто № 1, конечно, озорные, веселые. Ну так и пусть веселятся. У них сейчас веселый период жизни...

А. ДАШКОВА.
Санкт-Петербург.